эвен. *ңин инңамтан* Бер досл. “(собачья слеза) земляника”, эвенк. *тустыңңилэн* Члм “земляника”;

эвен. *ңокли* Бер, Ол, Алл, Ох. Т “черная смородина, шикша”, эвенк. *ңөкли* П-Т, Н “черная смородина”;

эвен. *тураки тэвтэн* Бер букв. “воронья ягода”, эвенк. *тураки тэвуктэн* М букв. “воронья ягода”;

эвен. *умтичан* Бер, Ох «черника», эвенк. *диксиңэ* П-Т, Н, *умкачан* Чмк “черника”;

умтичан Бер, Ох, Ол «шикша»;

эвен. *хутымтэ* Бер, Ол, Алл, Ох “жимолость”, эвенк. *утумуктэ* “жимолость”;

эвен. *хемтэ* Бер, Ох “брусника”, эвенк. *һимуктэ* Тмт, Учр, Члм, Алд, Сх, Урм, М, Тт “брусника”;

эвен. *чикэнмэт* Бер, Ол, Алл, Ох “княженика”, эвенк. *дуңурикан* С-Б “княженика”;

эвен. *нямалра* Бер. Ол “белый мох”, “кукушкин лен”, “торфяной мох”, эвенк. *нямулда* П-Т, С-Б, В-Л “кукушкин мох” и т.д.

В основу семантических моделей названий растений относящихся к их анатомии положены реальные свойства этих растений и их частей. Рассмотренные нами названия растений образованы двумя путями: присоединением к глагольным и несколько реже именным основам аффиксов и способом словосочетания.

1. Болдырев Б. В. Эвенкийско-русский словарь / Б. В. Болдырев. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. Ч.1: А-П. – 503 с
2. Болдырев Б. В. Эвенкийско-русский словарь / Б. В. Болдырев. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. Ч.2: Р-Я. – 484 с.
3. Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. С приложением и грамматическим очерком эвенкийского языка / Г. М. Василевич. - М., 1958. – 803 с.
4. Кейметинов В.А. Эвенско-русский словарь. Толкование и этимология. Якутск: Офсет, 2005. – 248с. I, II, III часть.
5. Мыреева А. Н. Эвенкийско-русский словарь / А. Н. Мыреева. – Новосибирск: Наука, 2004. – 798 с.
6. Мыреева А. Н. Лексика эвенкийского языка. Новосибирск, Наука, 2004.
7. Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР.
8. Пикунова З.Н. Буга дярин энциклопедиян: фауна. Новосибирск: Наука, 2008. -339с.
9. Роббек В.А., Роббек М.Е. Эвены. Эвенско-русский словарь. Наука, Новосибирск, 2005 – 206 с.

Тетакаева Л.М.

Речевой этикет и языковая норма

*Дагестанский государственный университет
(Россия, Махачкала)*

doi: 10.18411/spc-26-11-2019-05

idsp: sciencepublic-26-11-2019-05

Этикет представляет своего рода метаязык культуры общения, хранящийся в памяти этноса. Общение в целом можно разложить на два плана, взаимно дополняющих друг друга. Первый можно назвать парадигматическим, второй синтагматическим. Парадигматический представляет собой набор социальных факторов, переменных ситуаций общения, противопоставленных друг другу [Бгажноков 78:12]. Синтагматика традиционной культуры общения включает непосредственно технику общения, которая разнообразна как в качественном отношении, так и в количественном. Известный английский социопсихолог М. Аргайл выделяет семь классов социальной техники поведения (общения): 1) телесный контакт, 2) физическая близость и позиция, 3) жесты, 4) выражение лица, 5) движение глаз, 6)

нелингвистические аспекты речи (темп, интонация речи и т.д.), 7) собственно речь [Argyle 71:67].

Этикет, будучи компонентом общения, функционирует и на парадигматическом, и на синтагматическом уровнях, используя ту или иную «технику поведения» строго в соответствии с той или иной социальной ситуацией.

Из вышесказанного представляется возможным выделить речевой этикет поведения, являющегося составной частью этикета в целом. Исследователями принято различать понимание речевого этикета в узком и широком смыслах. «В широком значении его следует понимать как форму нормативного речевого поведения в обществе между представителями единой нации» [Ступин 1980:6], а в узком смысле это национально специфичные правила речевого поведения, применяемые в ситуациях вступления собеседников в контакт и поддержание общения в избранной тональности соответственно обстановке общения, социальным признакам коммуникантов и характером их взаимоотношений [Формановская 1992: 5].

Речевой этикет, будучи формой нормативного речевого поведения, непосредственно связан с языковой нормой потому, что он является компонентом общения в целом, «а именно в общении рождаются нормы – основа социальной регуляции поведения» [Рыжова 19987:53]. Все исследователи подчеркивают, что норма категория социально-историческая (с полным основанием можно сказать это и о речевом этикете) «в том смысле, что самое ее возникновение, формирование и признание за таковую есть история превращения потенциальных возможностей языка как системы выразительных средств в факт осознанных образцов речевого общения в определенной языковой общности в тот или иной период времени» [Степанов 1977:59].

Впервые норму языка как коррелят языка и речи выдвинул известный испанский филолог Э. Косериу. Он определяет норму как систему обязательных реализаций принятых данным обществом и данной культурой. Подобное определение дано и в «Общем языкознании»: «Норма – совокупность наиболее традиционных реализаций элементов языковой структуры, отобранных и закреплённых общественной языковой практикой». В. Девкин подчеркивал, что основу нормы составляет ее соответствие речи того социального слоя, который считается в определенной сфере общения образцом, на который равняются [Девкин 73:101]. Основная масса исследователей, так или иначе, считает, что норма – это то, что уже сказано.

Существует и другая группа ученых, которая стремится включить динамический аспект в рассмотрение нормы [Ицкович В.А., Скворцов Л.И., Степанов Г.В.]. Так, Л.И. Скворцов считает, что на уровнях речевой деятельности, или на уровне нормы можно говорить, как нам кажется, о норме воплощенной (реализованной) и норме невоплощенной (потенциальной, реализуемой). Вторая творится с учетом первой, с известной оглядкой на нее и подраживаясь под нее [Скворцов 1970:28]. Здесь же Л.И. Скворцов говорит о принципе коммуникативной целесообразности, который применим в обеих сферах с той разницей, что для нормы реализуемой он оказывается конструирующим.

Однако, как отмечает Л.П. Рыжова «и такой динамический взгляд на языковую норму не раскрывает до конца сущностных характеристик этого понятия..., поскольку понимание языка как деятельности предполагает подход к языку как явлению социального уровня» [Рыжова 1987:55], т.е. речевое общение нормируется не только самой системой языка и структурой практической деятельности, в которой оно осуществляется, а именно норма как прагматический, оценивающий фактор, помогает

адресату отобрать необходимые для той или иной социально-речевой ситуации языковые единицы.

1. Бгажноков Б.Х. Адыгейский этикет. Нальчик, 1978.
2. Девкин В.Д. Немецкая разговорная лексика. М., 1973.
3. Рыжова Л.П. Речевой этикет и норма // Языковое общение: Единицы и регулятивы: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. Ред. И.П. Сусов. Калинин, 1987.
4. Скворцов Л.И. Норма. Литературный язык. Культура речи // Актуальные проблемы культуры / Сб. статей / Под ред. В.Г. Костомарова, Л.И. Скворцова. М., 1970.
5. Степанов Г.В. К проблеме языкового варьирования (Испанский язык Испании и Америки). М., 1979.
6. Ступин Л.П. Современный английский речевой этикет. Л., 1980.
7. Формановская Н.Н. Употребление русского речевого этикета. М., 1992.
8. Argyle M. The Psychology of Interpersonal Behaviour. – 2nd ed. Repr. Harmondsworth, 1971.

Усеинов Т.Б.

Отображение любви к объекту мужского пола в образной системе средневековой крымскотатарской ашыкской поэзии

ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»
(Россия, Симферополь)

doi: 10.18411/spc-26-11-2019-06

idsp: sciencepublic-26-11-2019-06

В работе рассматривается образная система в рамках ашыкской поэзии Крымского ханства. Данный вопрос до сегодняшнего дня остаётся слабо изученным [2, 3].

Целью работы является исследование семантического разнообразия при отображении любви к объекту мужского пола в средневековой крымскотатарской ашыкской поэзии.

Результаты исследования будут способствовать более глубокому изучению данного вопроса.

Как стало известно, мужской пол объекта любовного поклонения не является фактом экстраординарным как для средневекового крымскотатарского классического дивана, так и для средневековой крымскотатарской ашыкской поэзии.

Рассмотрим четыре причины сложившегося положения:

1 Данный мотив имеет место в стихах с суфийским подтекстом (образы мальчика, юноши, мужчины, возлюбленного и т. д.) и в религиозных произведениях народных поэтов-исполнителей (ашыков).

2. В рамках произведений с религиозным оттенком, поэты активно используют мужские образы для отображения тех или иных «мужских» качеств земной красавицы: вероломность, кровожадность, ловкость, мужество, отвага, умелое владение оружием, хитрость и т. д.

Приведём перечень имён лишь некоторых прославленных исторических личностей-мужчин и образных систем, с ними связанных: «Александр Македонский – влюблённый», «Али – влюблённый», «Иисус – влюблённый», «Локман – влюблённый», «Пророк Мухаммед – влюблённый», «Пророк Юсуф (Юсуф-и Кенан) – влюблённый», «Пророк Якуб – влюблённый», «Рустем – влюблённый», «Царь Дарий – влюблённый» и т. д.

3. Ещё одна категория сравнений, намекающих на мужской пол объекта поклонения, связана с родом деятельности объекта поклонения (возлюбленной), в большей степени причастным к мужскому образу жизни: «Воин – враг», «Воин печали